

TOPICAL
DIALOGUES

АКТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ

№ 2

2018

**Данный номер электронного бюллетеня “Актуальные диалоги - 2018”
выпущен при поддержке Черноморского фонда регионального сотрудничества
(проект Фонда Германа Маршалла).**

**Мнения, высказанные в бюллетене, принадлежат их авторам
и могут не совпадать с мнениями и позициями Черноморского фонда
регионального сотрудничества или его партнеров.**

B | S | T The Black Sea Trust
for Regional Cooperation
A PROJECT OF THE GERMAN MARSHALL FUND

СОДЕРЖАНИЕ

Одна тема – два автора -----	4
Утомленные диалогом -----	5
Диалог и миротворческие инициативы в армяно-азербайджанском конфликте: прошлое, настоящее и перспективы -----	13

ОДНА ТЕМА - ДВА АВТОРА

Это - серия параллельных статей, подготовленных армянскими и азербайджанскими авторами.

Материалы подготовлены в рамках проекта Исследовательского центра «Регион» «Публичные диалоги» для коммуникаций между армянскими и азербайджанскими специалистами».

Этот проект поддержан Черноморским фондом регионального сотрудничества Фонда Германа Маршалла.

Партнером по проекту является Институт мира и демократии (Нидерланды). Сайт www.publicdialogues.info был учрежден в 2012 г. Исследовательским центром «Регион» и Институтом мира и демократии, который тогда действовал в Азербайджане

ТЕМА: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИАЛОГИ В АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ КОНФЛИКТЕ: ПРОШЛОЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С комментариями авторов к другой статье по теме можно ознакомиться здесь - <http://www.publicdialogues.info/node/783>

БОРИС НАВАСАРДЯН

Ереванский пресс клуб (ЕПК)

УТОМЛЕННЫЕ ДИАЛОГОМ

<http://www.publicdialogues.info/node/779>

От энтузиазма к утраченным иллюзиям

У каждого, кто в последние более чем четверть века так или иначе участвовал в армяно-азербайджанском диалоге, своя история и свои представления об удачах и провалах, собственная оценка того что делалось правильно и приносило пользу, а что, наоборот, вредило процессу. Поэтому заранее готов признать, что мои впечатления и опыт, легшие в основу этого анализа, субъективны. Слишком насыщенными в определенные периоды, сложными и многогранными были контакты на уровне гражданского общества, политиков, журналистов и экспертов («Track-2» – Второй путь), чтобы восприятие и оценки процесса не вызывали принципиальных противоречий.

Полагаю, для азербайджанских участников диалоговых проектов самыми запоминающимися были посещения Армении и Нагорного Карабаха, по которым они составляли свои представления о трансформации конфликта. Для меня же динамика процесса сконцентрировалась в двухлетнем периоде между 1999 и 2001гг., когда

довелось четырежды посетить Азербайджан. Позже была еще одна поездка в 2011г., но она только укрепила в сформировавшемся за 10 лет до этого печальном выводе, что миротворческий потенциал «Track-2» в сложившемся политическом контексте исчерпан.

Мои впечатления от первого в постсоветское время посещения Азербайджана в ноябре 1999г., в рамках многолетнего совместного проекта немецких фондов Эберта и Наумана, были весьма радужными – у армянской группы из 8 человек была полная свобода передвижения без видимого сопровождения сотрудников спецслужб. (Кстати, если бы не теракт в армянском парламенте 27 октября, состав нашего «десанта» был бы весьма представительным, включая даже вице-спикера Национального Собрания!). И, хотя стрессовая ситуация в Армении отцепила от поездки депутатов и высокопоставленных чиновников, давших предварительное согласие на участие, измененный статус посетителей на предусмотренном заранее высоком уровне программы почти не отразился. Премьер-министр, лидеры политических партий, далеко не рядовые сотрудники аппарата президента... И когда на встречах мы высказывали сожаление, что официальный Баку не выразил сочувствие армянскому народу в связи с трагедией, что могло бы улучшить климат на официальных переговорах, наши слова воспринимались азербайджанскими собеседниками с пониманием...

Из той же поездки запомнилось 40-минутное интервью в прямом эфире ведущему азербайджанскому телеканалу, содержанием которого остались довольны и армянские коллеги и, судя по всему, местная аудитория – когда на следующий день мы посетили бакинский рынок, удостоились вполне доброжелательного отношения торговцев, сразу узнавших, с кем имеют дело.

Привожу эти эпизоды, чтобы показать динамику ухудшения отношений. Меньше чем через год телевизионное интервью со мной уже записывалось и, хотя пошло в эфир без искажений, в поведении и вопросах журналистки чувствовалась возросшая настороженность. Реакцию аудитории проверить оказалось невозможным, поскольку еще по прибытии в бакинский аэропорт стало понятно, что о свободном передвижении и непринужденном общении с местной публикой следует забыть.

А еще через год, в октябре 2001г., контакты представителей азербайджанских СМИ, освещавших приезд в Баку группы журналистов из Армении и Нагорного Карабаха (НК), преследовали лишь одну цель – продемонстрировать, насколько бессмысленными являются миротворческие проекты и какими предателями национальных интересов являются участвующие в них граждане Азербайджанской Республики (АР). Но то, как нас провожали, превзошло худшие ожидания: «Армянские террористы под видом журналистов посетили Баку и отдыхали на лучших курортах Азербайджана», - таким был заголовок к заметке о нашем совместном семинаре в скромном пансионате «Гянджлик», вынесенный на самое видное место вполне солидной газеты. В самой же публикации были представлены «подробности о террористической деятельности» довольно известных журналистов, принявших участие в поездке...

Описанное выше охватывает, на мой взгляд, короткий отрезок времени -расстояние от пика успешности диалоговых проектов до избавления от иллюзий, что гражданская дипломатия в условиях Карабахского конфликта может играть существенную самостоятельную роль в процессе урегулирования. Неофициальные инициативы оказалась в сильной зависимости от заинтересованности в них властей. И отсутствие перспектив в диалоге на официальном уровне, фактически, обусловило маргинализацию «Track-2». Здесь не место анализировать все политические нюансы и контекст, почему это произошло именно в 1999-2001 гг., но именно на рубеже тысячелетий к гражданским инициативам закрепилось безразлично-скептическое отношение в Армении и агрессивно-репрессивное - в Азербайджане.

Не финны и не шведы

В этом смысле интересно порассуждать, почему до поры до времени «Track-2» в армяно-азербайджанских отношениях переживал определенный прогресс? Думаю, помимо теплившихся надежд на возможность урегулирования конфликта, была заинтересованность в решении конкретных задач. В период национальных движений конца 1980-х и первых шагов к независимости основной повесткой контактов стало избавление от коммунистической империи. Довольно интенсивным был, в частности, диалог представителей Армянского общенационального движения и Народного фронта Азербайджана при посредничестве демократических сил других советских республик, прежде всего, прибалтийских. Обыденным делом в редакции газеты «Республика Армения», учрежденной в 1990г. посткоммунистическим армянским парламентом, были почти ежедневные интервью по телефону ее журналистов с видными азербайджанскими деятелями новой волны, когда в соседней республике происходили важные для освещения события. С крушением СССР взаимный интерес, правда, быстро сменился враждебностью друг к другу новых властей.

В годы войны 1992-1994гг. актуальность приобрело взаимодействие правозащитников по проблемам военнопленных, заложников, поиску пропавших без вести и возвращению тел убитых. В этот период целый ряд армянских и азербайджанских общественных организаций вел активную работу совместно с Международным комитетом Красного Креста и Красного Полумесяца, другими международными гуманитарными миссиями, а также с государственными структурами сторон. Помнится, как удивили армянских журналистов, встречавшихся с министром национальной безопасности АР Намиком Аббасовым, его ссылки на обмен информацией о заложниках от правозащитников из Армении и Нагорного Карабаха. Разумеется, деятельность официальных лиц редко отличалась искренностью и конструктивностью, но их вынужденное взаимодействие с международными организациями и гражданскими активистами сыграло важную роль в судьбах многих людей.

Параллельно с практической гуманитарной работой, в первой половине 1990-х, под эгидой международных организаций, получил развитие диалог о мире армянских и азербайджанских правозащитников. Самым громким событием в этом процессе стало

вручение в 1992г. Премии Улофа Пальме председателям азербайджанского и армянского отделений Хельсинкской гражданской ассамблеи (ХГА) Арзу Абдуллаевой и Анаит Баяндур. «Скандинавская направленность» в деятельности Ассамблеи проявилась и в ознакомлении представителей гражданского общества конфликтующих сторон с моделью аландской шведской автономии в составе Финляндии. Непосредственно после войны эта модель рассматривалась в среде миротворцев как приемлемая для НК.

По инициативе ХГА к «аландскому процессу» были привлечены и официальные лица, но это спровоцировало эпизод, поставивший большой вопрос перед применимостью скандинавского опыта на Южном Кавказе. Во время одной из встреч в 1995 г. тогдашний министр иностранных дел НК Аркадий Гукасян высказался в том духе, что модель замечательная, но ведь азербайджанцы не финны. На что занимавший в то время пост заместителя министра иностранных дел АР Тофик Зульфугаров парировал: «... конечно, но и вы тоже не шведы, товарищи армяне». Вместе с тем, сам процесс стал прецедентом, нарушившим монополию официальных лиц в обсуждении будущего для Нагорного Карабаха и армяно-азербайджанских отношений.

В поисках формы и содержания

Договоренности о режиме прекращения огня в мае 1994 г., подписанные представителями руководства Армении, Азербайджана и НК, распахнули окно возможностей для реализации международными организациями, донорами и западными НПО многочисленных и разнообразных проектов в логике Track-2. На первых порах проводимые мероприятия воспринимались участниками из региона как продолжение войны иными методами. Они стремились доказать оппонентам свою правоту и их ответственность за конфликт, ожидая полной и безоговорочной капитуляции.

В числе первых прагматичные формы взаимодействия нашли журналистские организации Армении и Азербайджана. Понимая, что, несмотря на враждебное отношение обществ друг к другу, их интерес к происходящему в соседней стране довольно высок, они использовали частые контакты для налаживания обмена информацией между СМИ. «Интерньюс» организовал серию тематических телемостов, которые, хоть и проходили в режиме «идеологического рестлинга», но в то же время позволяли армянской и азербайджанской аудиториям узнавать о жизни соседей от «живых людей».

Ереванский пресс-клуб и его партнеры в Азербайджане воспользовались стремлением своих стран интенсивно вписываться в мировое сообщество, двигаться к членству в Совете Европы, выполняя определенные обязательства. В этом смысле взаимный интерес представлял обмен опытом по отстаиванию свободы слова. Вторая половина 1990-х стала тем периодом, когда армянская и азербайджанская ситуации в этой сфере сблизилась как никогда. В Армении лучше были защищены права журналистов и плюрализм вещателей, зато в Азербайджане, особенно после

отмены в 1998г. военной цензуры и за счет иностранных инвестиций, стал развиваться реальный медийный бизнес.

Обсуждение сугубо журналистских тем не только способствовало лучшему пониманию задач, но и приучало участников уважительно относиться к мнению оппонентов. В дальнейшем это помогло лучшему взаимопониманию при затрагивании проблем, связанных с конфликтом. То же самое можно сказать и о проектах в других областях, способствовавших профессиональному сотрудничеству и личностным контактам в обход «минного поля» противоречий. Общие озабоченности социальными проблемами, экологическими вызовами, ходом реформ в сфере образования и др. помогали осознавать, что нас объединяет.

Укреплению связей в тематических областях во многом способствовал возросший в середине-конце 1990-х интерес международного сообщества к Южному Кавказу как единому региону. Он был обусловлен подключением США и Евросоюза, а также крупнейших компаний к инфраструктурным, прежде всего, энергетическим проектам. Организации гражданского общества, склонные к региональным форматам, от этого только выиграли. Трехсторонние проекты (Армения, Азербайджан, Грузия) получили наибольшее распространение благодаря стартовавшей в 1997г. программе «Synergy» («Сотрудничество») Фонда «Евразия». Благодаря ей, десятки НПО получили опыт совместной работы с партнерами из соседних стран. Подобная массовость сама по себе способствовала разрушению «образа врага», как минимум, у непосредственных участников проектных мероприятий.

Многосторонние форматы позволяли также сравнивать разные подходы к конфликтам и их возможному разрешению в случаях с непризнанными Абхазией, Южной Осетией и Нагорным Карабахом. А одной из наиболее выигрышных проектных идей стали исследования о перспективах развития региона в целом, если конфликты не будут мешать сотрудничеству. При этом, армянская сторона на официальном уровне готова была рассматривать соответствующие возможности до урегулирования карабахского противостояния. Но Азербайджан, рассчитывая, что заинтересованность Армении в подключении к региональным инфраструктурным проектам подвигнет ее на односторонние уступки, настаивал на признании своей территориальной целостности как предусловии для сотрудничества. Взаимоисключающие подходы постепенно снизили актуальность региональных инициатив с участием стран Южного Кавказа как в экономической, так и во всех других сферах, включая «Track-2».

Говоря о регионе, возьму на себя смелость поставить под сомнение целесообразность популярных среди западных организаций в 1990-х и начале нулевых проектов, объединяющих Южный и Северный Кавказ. Ни статус субъектов такого формата (участники из международно признанных стран, из непризнанных образований и из автономий Российской Федерации), ни позиционирование себя по отношению к проблемам (стремление решать вопросы в рамках национального суверенитета у одних и закономерная зависимость от центра в случае с российскими автономиями) не способствовали его эффективности. А отсутствие, как правило, на подобных мероприятиях участников, представляющих общероссийский контекст, подчеркивало искусственность формата. Впрочем, и их присутствие вряд ли добавило

бы инициативам целесообразности, поскольку размывало бы региональную идентичность и затрудняло поиск общих приоритетов. Армяно-азербайджанский диалог, скорее, терял, чем выигрывал от общекавказских форматов, поскольку специфика и нюансы Карабахского конфликта, требовавшие сосредоточенного внимания к себе, затрагивались крайне поверхностно, а собиравшаяся разнообразная аудитория рассматривалась как адресат для апеллирования и доказательства своей правоты. Хотя позитив в личностном общении и постоянное повторение взаимоприемлемых лозунгов за все хорошее против всего плохого, конечно, укрепляли дружеские взаимоотношения между участниками таких проектов, включая армян и азербайджанцев, но не способствовали ни движению вперед, ни транслированию доброй атмосферы широким кругам общественности конфликтующих сторон.

В этом смысле гораздо полезнее были не завязанные на Кавказе инициативы по изучению и ознакомлению армянской и азербайджанской публики с межэтническими конфликтами в других регионах мира. Фильмы и сравнительный экспертный анализ противостояний и попыток их преодоления - как успешных, так и нет - на Балканах, Кипре, в Палестине, Южном Тироле, Северной Ирландии и других частях планеты помогали поиску и обсуждению моделей, которые могли бы в перспективе сработать в НК. И как в предложениях сопредседателей Минской группы второй половины нулевых, так и в экспертных продуктах (в частности, брошюре «Карабахский конфликт: понять друг друга», изданной в 2005г. по инициативе Ереванского пресс-клуба и ставшей плодом усилий группы активных участников диалоговых инициатив из Армении и Азербайджана) отражался обширный опыт миротворчества, пропущенный через фильтр особенностей карабахского противостояния.

Переплетенность армяно-турецких и армяно-азербайджанских противоречий (в частности, в Азербайджане гораздо более агрессивно проявляется неприятие темы геноцида армян, чем в самой Турции, а Анкара еще со времени закрытия своей границы с Арменией в 1993г. и в дальнейшем с переменной настойчивостью обуславливает нормализацию отношений с Ереваном его односторонними уступками в карабахском вопросе) подсказала новаторские и многообещающие проекты, охватывающие эти три страны. Однако по мере ужесточения позиций сторон треугольника формат потерял свою привлекательность. А многие его непосредственные участники в Турции и Азербайджане оказались за решеткой, в эмиграции, либо вынуждены были прекратить свою деятельность, связанную с Арменией.

Подключение к армяно-азербайджанскому диалогу дружественной бакинским властям Турции обусловило их благосклонность к контактам граждан АР с армянами в 2001-2004гг. Однако в период интенсивной футбольной дипломатии между Ереваном и Анкарой в 2008-2009гг. азербайджанские власти, раздраженные перспективой нормализации армяно-турецких отношений, резко изменили свое отношение к формату.

В заложниках у политических реалий

Фактически, уже более полутора десятка лет поле для диалоговых армяно-азербайджанских инициатив только сужается. Если до начала нулевых наблюдалась активизация прямого взаимодействия местных организаций, то в последнее время, как и в первые послевоенные годы, ключевая роль вернулась к внешним для региона игрокам, модераторам контактов. О возможностях визитов друг к другу, программы которых в 1998-1999гг. включали встречи с президентами (Гейдаром Алиевым и Робертом Кочаряном), пришлось забыть. Наиболее полезными формами совместной работы стали экспертные исследования, медийные продукты, которые, однако, давно уже не несут открытых миротворческих посылов и в лучшем случае адекватно отражают историю последних десятилетий и современные реалии. Так, последней попыткой миротворческого проекта Ереванского пресс-клуба стал подготовленный в 2010г.с азербайджанскими коллегами глоссарий языка вражды (1), содержащий рекомендации, как избежать раздражающих аудиторию по другую сторону конфликта стереотипов. И хотя в определенных журналистских кругах обеих стран была заинтересованность применить результаты исследования на практике, общая тенденция к ужесточению информационного противостояния оказалась неизмеримо сильнее.

О проблемах, препятствующих участию азербайджанских организаций в совместных проектах с армянскими партнерами – хорошо известно. В определенной степени они связаны с ослаблением влияния международных организаций на соблюдение принципов демократии и прав человека вообще. После резкого обострения отношений между Россией и Западом в 2013 г. начало меняться то, что принято называть «миропорядком», в том числе роль и активное присутствие в нашем регионе Совета Европы, ОБСЕ. А внутренние механизмы защиты свобод и многообразия мнений срабатывают далеко не во всех странах.

В Армении, где самочувствие гражданского общества и СМИ только улучшилось вследствие «бархатной революции» 2018г., отсутствие прежнего интереса к диалогу с проблемными соседями - Азербайджаном и Турцией – обусловлено неверием в реалистичность взаимных компромиссов и широко распространенной убежденностью в бессмысленности разговора с позиций ценностей и принципов. Если в 2004г. даже на фоне всеобщего негодования деянием Рамиля Сафарова группа ведущих армянских НПО решительно осудила (2) расистские высказывания двух политиков в адрес всего азербайджанского народа, то сейчас на них вряд ли обратили бы внимание. Здесь практически полностью стихли голоса критиков своих властей за «неконструктивную политику» в карабахском вопросе. И не из-за боязни чего-то, а потому, что подобная критика не встречает никакого отклика в обществе и сразу дискредитирует себя ассоциацией с пропагандистскими инициативами типа «бакинской», а позже «тбилисской» «платформ мира»(их сомнительный манипулятивный характер просматривается даже во вполне доброжелательных публикациях (3).

Кризис с урегулированием межэтнических конфликтов и просто с мирным диалогом присущ всему постсоветскому пространству. Однако глубина его разная. Для меня показательно в этом смысле отношение неправительственного сектора к возможности выхода из изоляции таких же представителей гражданского общества, журналистов, живущих и работающих в непризнанных образованиях. Ведь без них невозможно всерьез говорить об укреплении мер доверия, необходимых для мирного преодоления противостояний. В частности, на Форуме гражданского общества (ФГО) Восточного Партнерства почти ежегодно поднимается вопрос о предоставлении возможности НПО из Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья и Южной Осетии быть участниками мероприятий ФГО. Речь не идет о вывешивании флагов или другой символике, а всего лишь - об участии организаций с территориями, формально входящих в соседний для Европейского Союза регион Восточного Партнерства. Но каждый раз такая возможность отвергается. Молдавские «форумчане» независимо от этого, по своей инициативе, включают НПО из Приднестровья в состав участников. Для них это так же естественно, как свободное передвижение людей из Кишинева в Тирасполь, или матчи приднестровских команд в футбольном чемпионате Молдовы. Грузинские коллеги в принципе не против, но не представляют механизмы отбора абхазских и южно - осетинских организаций на ежегодную ассамблею Форума. И только для азербайджанских представителей приглашение НПО из Нагорного Карабаха категорически неприемлемо, если они не признают НК частью АР.

В свое время, особенно до признания Москвой независимости Сухуми и Цхинвали, в Грузии довольно распространенным был подход – «мы должны стать государством, частью которого желали бы быть Абхазия и Южная Осетия». До 2008 г. грузинские власти были заинтересованы в работе офисов международных организаций и соглашались на финансирование ими неправительственного сектора в этих непризнанных республиках. В Молдове и сейчас были бы не против подобных инициатив, но ограничения вводят власти самого Приднестровья. Азербайджан же прилагает все новые и новые усилия для еще большей изоляции НК и его населения, исключая какие-либо площадки для формального или неформального диалога.

В силу этого нет оснований говорить о каких бы то ни было перспективах активизации дипломатии «Track-2» между армянами и азербайджанцами. Тем более, что постоянные убийства гражданских лиц и военнослужащих на линии соприкосновения Карабахского конфликта и на границе РА и АР, а также усугубляющаяся пропагандистская война продолжают отдалять народы друг от друга. Для перелома необходимы либо результативные усилия международного сообщества по реализации договоренностей двухлетней давности об усилении контроля за соблюдением режима прекращения огня, снижении градуса воинственной риторики и конкретным шагам по укреплению мер доверия, либо кардинальная смена политического контекста.

Примечания

1. http://ypc.am/upload/ArmAzInternet_2010_rus.pdf
2. http://ypc.am/2004/03/?bulletin_id=40773&lang=ru
3. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/317673/>

АРИФ ЮНУСОВ

Институт мира и демократии

ДИАЛОГ И МИРОТВОРЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ КОНФЛИКТЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<http://www.publicdialogues.info/node/778>

Не открытое давление в 1990-х

Более 30-и лет продолжается армяно-азербайджанский конфликт из-за территории Нагорного Карабаха. Практически параллельно шел и другой процесс в отношениях двух народов – многочисленные встречи, инициативы, контакты по мирному урегулированию конфликта. И это было понятно: ведь конфликт зародился в СССР, и оба народа жили бок о бок в составе одного государства, имели много общего, что значительно облегчало проведение таких встреч и инициатив по сравнению со многими конфликтами на планете. Более того, первые контакты во многом воспринимались как продолжение той новой политики в СССР, больше известной как «перестройка», когда инициатива по организации таких встреч была в руках не лидеров компартии и республик, а так называемых «неформалов» или правозащитников.

Но в 1991 г. СССР распался, и очень скоро армяно-азербайджанский конфликт перерос в широкомасштабную войну. Но и в этих условиях периодически проводились миротворческие встречи, хотя изменившаяся ситуация внесла свои коррективы – большинство встреч правозащитников и представителей зарождающегося гражданского общества были связаны с переговорами по освобождению заложников и военнопленных, а также по решению ряда гуманитарных проблем в связи с беженцами и вынужденными переселенцами.

После установления режима прекращения огня в 1994 г. наступил новый этап в истории таких встреч и инициатив. Именно тогда же перед азербайджанским обществом со всей остротой встал вопрос отношения к непризнанному, но

фактически независимому новому государству на территории республики. Ведь до этого в Карабахе жили и азербайджанцы, и на начальном этапе в азербайджанском обществе были иллюзии, что конфликт носит временный характер, он спровоцирован внешними силами и рано или поздно все решится благополучно, Карабах вновь будет в составе Азербайджана. Но теперь эти иллюзии остались позади. Война была проиграна, наряду с бывшей автономной территорией (НКАО) вне юрисдикции Азербайджана оказались еще и 7 прилегающих к ней районов. Более того, на бывшей азербайджанской территории теперь возникло новое государственное образование, которое официально пока именовалось по-новому (НКР). Со временем азербайджанцы все чаще и чаще слышали не привычное азербайджанское «Карабах», а иное название – «Арцах». При этом на всей этой неподконтрольной Баку территории азербайджанцев уже не было. Они теперь проживали в других районах республики в качестве беженцев.

Встал вопрос: как быть со всем этим? Как воспринимать встречи с карабахскими армянами? Кто они теперь для азербайджанцев? Бывшие граждане, которые временно вышли из-под контроля, и надо теперь попытаться их вернуть каким-то образом под власть Баку? Или признавать их в качестве граждан другого независимого государства? И все это на фоне жестокого поражения, которое воспринималось в обществе как унижительный факт.

Именно тогда и зародилось движение, которому дали привычное для всего мира название – «народная дипломатия». Под этим словосочетанием понимались необычные контакты армян и азербайджанцев. Ведь представители конфликтующих народов вместе живут во многих других государствах и, в первую очередь, в соседних России и Грузии. Более того, в Грузии 1990-е годы в азербайджанском селе Садахло возник даже неформальный армяно-азербайджанский торговый рынок (базар), куда приезжали не только жители из многих других мест Грузии, но и из Армении и Азербайджана. Стороны заключали торговые сделки, что-то друг другу постоянно продавали, в результате чего в Армении и Азербайджане появлялись товары другой, вражеской стороны. А в России так вообще немало было случаев, когда азербайджанцы и армяне вели совместный бизнес.

Но это не воспринималось негативно, ибо речь шла о бизнесе и контактах на территории других государств и, к тому же, они не касались Карабахского конфликта и будущих армяно-азербайджанских отношений. Одно не мешало другому.

Что же касается самого конфликта и армяно-азербайджанских отношений, то уже существовала четкая линия фронта, которая жестко отделила стороны друг от друга. Пересечение этой линии фронта было смертельно опасно. Какие-то встречи или поездки обычных граждан через линию фронта были невозможны. И этим Карабахский конфликт отличался от конфликтов в соседней Грузии и в Молдове. Там были миротворческие войска и блокпосты, но не было фронта. Там граждане могли, особенно до августа 2008 г., спокойно перемещаться и вступать в контакты на различном уровне. В армяно-азербайджанских отношениях ничего этого даже близко не было.

Была еще одна очень важная разница между армяно-азербайджанским конфликтом и конфликтами на постсоветском пространстве – роль государства ко всему этому. В Грузии, к примеру, за последние два десятилетия не раз власти менялись, но их отношение к контактам грузинских неправительственных организаций (НПО) и других представителей гражданского общества с абхазами и осетинами было позитивным. И уж тем более сильную поддержку имели международные организации, которые занимались всеми этими вопросами.

А в Карабахском конфликте не было договоренности официального Баку с лидерами Армении, тем более с лидерами Нагорного Карабаха по поводу мандата вовлеченности армянских и азербайджанских представителей гражданского общества, а также роли международных организаций.

Да, пришедший к власти в 1993 г. Гейдар Алиев первоначально не был публично против таких контактов. Но по мере усиления его личной власти в республике стала меняться и позиция относительно целесообразности таких встреч. В 1999 г. Гейдар Алиев четко выразил свое отношение: «Пока мы не подписали мирный договор с Арменией, нет надобности сотрудничества наших НПО с армянами. Когда мы решим этот политический вопрос с Кочаряном, это будет компромисс, и многие не согласятся с этим, вот тогда пусть НПО и примиряют народы» (1). Иначе говоря, правящий режим Алиевых в Азербайджане воспринимал эти контакты по линии «народной дипломатии» как вспомогательный фактор в процессе урегулирования.

Была еще одна причина негативного отношения властей Азербайджана к подобным встречам и инициативам. Гейдар Алиев изначально не желал иметь неподконтрольный ему процесс «снизу». Все процессы в стране должны были быть в монополии государства. Между тем, в 1990-е гг. представители гражданского общества Азербайджана во многом были независимы от власти и по своим взглядам были близки к политической оппозиции. Что вызывало еще большее недоверие и опасение правящего режима.

Вот почему с конца 1990-х Гейдар Алиев взял курс на свертывание всех этих контактов азербайджанских НПО с их армянскими коллегами, особенно из Нагорного Карабаха. И если раньше в Баку могли приезжать представители армянских НПО, в том числе и из Нагорного Карабаха, то постепенно эти поездки стали сворачиваться. А на представителей азербайджанских НПО стали оказывать давление.

Однако Гейдар Алиев был опытным политиком и понимал роль и важность Запада для региона и конкретно для Азербайджана. А поскольку европейцы и американцы постоянно говорят о «народной дипломатии» для урегулирования Карабахского конфликта, то давление властей не носило открытый характер. И потому, хотя контакты сторон все время сокращались, но все же определенная работа в этом направлении шла.

Политика репрессий Ильхама Алиева

Ситуация для азербайджанских НПО и представителей гражданского общества заметно изменилась после прихода в 2003 г. к власти Ильхама Алиева. В отличие от своего отца, который еще как-то воспринимал контакты армян с азербайджанцами и желал лишь взять все это под свой контроль, Ильхам Алиев изначально занял жестко негативную позицию в этом вопросе.

При нем все коммуникации с армянами были объявлены работой на «врагов азербайджанского народа» и соответственно расценивались как «предательство национальных интересов». Все активисты гражданского общества, сотрудничавшие в рамках «народной дипломатии» с коллегами из Армении и Нагорного Карабаха, стали открыто подвергаться очень сильному давлению со стороны властей.

Как результат, власти Азербайджана запугали многих представителей местных НПО, и они стали отказываться не только от поездок в Армению и Нагорный Карабах, но и от любых совместных проектов. Страх вошел в сердца многих азербайджанцев. Желаящих оказаться в роли «предателей» и «пособников армянских агрессоров» становилось все меньше и меньше. Ведь кроме кампаний нападок в СМИ и на телевидении, власти через подконтрольные им группы «патриотов» организовывали прямые нападения на офисы тех неправительственных организаций и лиц, которые шли на сотрудничество с армянскими коллегами. Выдержать такое мощное давление было очень тяжело. И без того маленький ручеек быстро засыхал. В итоге даже те, кто еще соглашался поехать в Армению, просили не афишировать их участие в конференциях и встречах, чтобы они могли без проблем возвращаться в Азербайджан. А ведь в отличие от традиционной дипломатии, все мероприятия по линии «народной дипломатии» должны были быть прозрачными. Именно тогда применительно к поездкам в Армению таких азербайджанцев зародился ироничный термин «секретная народная дипломатия».

Международные организации сразу перестроились и стали учитывать позицию властей Азербайджана. Теперь встречи армянских и азербайджанских представителей гражданского общества стали проходить в Грузии, России и других странах. Несколько лет по инициативе и финансовой поддержке американского фонда Кеттеринга и российского Центра по стратегическим и политическим исследованиям в подмосковных Снегирях, в рамках Дартмутской конференции, проводились встречи армянских и азербайджанских представителей гражданского общества. В течение шести лет (2001-2007 гг.) они, словно дипломаты, всерьез обсуждали различные модели урегулирования конфликта. Затем в 2004-2014 гг. наступила очередь Хельсинской Гражданской Ассамблеи, которая теперь уже в Хельсинки (Финляндия), в рамках т. н. «Независимого Гражданского Минского Процесса по урегулированию карабахского конфликта», организовала ряд армяно-азербайджанских дискуссий по т. н. «Аландской модели» для урегулирования конфликта (2).

Все бы ничего, но бросалось в глаза, что практически одна и та же малочисленная ангажированная группа с обеих сторон просто переезжала из одной столицы в другую

и обсуждала вопросы урегулирования. Еще более удивительно то, что часто одни и те же участники за пределами своей страны выражали поддержку как самих встреч, так и прозвучавшим там предложениям, а у себя на родине становились патриотами и выступали категорически против миротворческих идей (3).

Иначе говоря, то, что с пафосом именовали «народной дипломатией» в армяно-азербайджанском конфликте в реальности было профанацией самой идеи. Подавляющее большинство населения Азербайджана вообще ничего не знало об этих встречах и обсуждаемых там вопросах. Практически то же самое можно сказать и относительно информированности населения в Армении и Нагорном Карабахе. Возникла абсурдная ситуация: широкие круги населения в Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе имели намного больше информации о закрытых встречах президентов и министров иностранных дел Азербайджана и Армении, предложениях посредников Минской группы, чем о результатах встреч в рамках «народной дипломатии»!

Несмотря на репрессии и давление, в азербайджанском обществе оставались еще НПО, которые продолжали сотрудничать с армянскими коллегами и даже совершали поездки в Армению. Это вызывало сильное раздражение у азербайджанских властей, которые еще более усилили свое давление на независимые НПО в республике. Одновременно власти решили взять под свой контроль «народную дипломатию». Первой такой попыткой стала организация совместно с президентом Армении и российской стороной встречи «представителей армянской и азербайджанской интеллигенции». В 2007 и 2009 гг. послы этих двух республик в России вместе с группой представителей азербайджанской интеллигенции посетили Нагорный Карабах и Армению. В ходе встреч стороны много говорили о будущем мире и необходимости исключить силовой вариант урегулирования Карабахского конфликта. Однако по возвращении посол Азербайджана Полад Бюльбюль оглы и другие азербайджанские представители стали выступать с позиций ястребов, что не могло не вызвать раздражение у армян. И так потом еще не раз будет. Тот же посол Полад Бюльбюль оглы, который постоянно говорит о мире, в 2016-2017 гг. также спокойно рассуждал о необходимости войны и силового решения Карабахского конфликта (4). Первая попытка монополизировать встречи общественности двух народов тогда провалилась.

Учитывая ошибки предшествующего периода и, в первую очередь, слабую информированность и вовлеченность конфликтующих обществ, все более популярными становились идеи создания совместных веб-сайтов. И в январе 2013 г. в Баку и Ереване прошли официальные презентации первого и единственного совместного азербайджано-армянского сайта «Публичные диалоги», созданного в результате многолетнего сотрудничества двух неправительственных организаций – азербайджанского Института Мира и Демократии (ИМД) и армянского Исследовательского центра «Регион». Здесь публиковались статьи армянских и азербайджанских авторов, проводились интернет-дискуссии с участием также и специалистов из других стран, видеомосты, совместные онлайн пресс-конференции зарубежных деятелей для армянских и азербайджанских СМИ, тексты которых потом

публиковались в армянской и азербайджанской прессе, выставлялись видеоматериалы о различных событиях и процессах в Азербайджане и Армении.

Разгром гражданского общества в Азербайджане в 2014 году

Все это власти Азербайджана воспринимали как открытый вызов им. Вначале они решили расправиться с еще неподконтрольными азербайджанскими НПО юридически. В мае 2013 г. в парламент был представлен законопроект под названием «Об оккупированных территориях Азербайджана». В нем, в частности, предусматривалось уголовное наказание для сотрудников неправительственных организаций, а также отдельных граждан Азербайджана (кроме членов официальных делегаций) за сотрудничество с Арменией «до освобождения оккупированных территорий». Однако эта законодательная инициатива могла вызвать резко негативную реакцию на Западе и потому власти тогда не просто прекратили подготовку к его принятию, но и вообще стали отрицать наличие такого законопроекта (5)!

Но в 2014 г. власти Азербайджана отбросили все игры с Западом и взяли курс на окончательное решение вопроса о деятельности независимых НПО и активистов гражданского общества. В течение этого года по республике прокатилась волна арестов многих активистов гражданского общества, которые активно сотрудничали или ранее принимали участие в совместных встречах и проектах с армянами. С горечью следует признать – властям удалось решить этот неприятный для них вопрос и убрать со сцены всех независимых участников подобных встреч с азербайджанской стороны. Да, в республике еще есть политическая оппозиция, отчаянно борются журналисты и выжившие представители НПО. Но говорить об их участии в совместных с армянами встречах и проектах уже не приходится. Этот период в истории постсоветского Азербайджана остался в прошлом.

Имитационно-пропагандистская «народная дипломатия»

Расправившись с независимыми НПО, власти Азербайджана перешли ко второй части своего плана, в соответствие с которым теперь следует максимально использовать «народную дипломатию» как составную часть своей пропагандистской кампании. Было выделено немало средств из бюджета на подготовку и организацию этой кампании. Затем определенное время ушло на поиск армян, готовых принять участие в этом. И в декабре 2016 г. в Баку помпезно было объявлено о создании т. н. «Платформы для мира между Арменией и Азербайджаном», которая имеет не только свой вэб-сайт, но и принявшие участие в проекте армяне стали жить в Баку и получать зарплату за это (6).

Однако сразу же стало понятно, что никакого отношения к «народной дипломатии» эта «Платформа мира» не имеет. Принявшие участие с армянской стороны в проекте на деле оказались не жителями Армении и Нагорного Карабаха, а проживающие в

странах СНГ и Швеции армяне, которые согласились принять участие по финансовым причинам. Но очень скоро между участниками с обеих сторон из-за денег произошли разногласия. В итоге, один из основателей «Платформы мира» Ваан Мартиросян, до этого давший много интервью в Азербайджане об ужасах жизни в Армении, теперь бежал из Азербайджана и стал в своих выступлениях подробно описывать о причинах финансовых махинаций, которые привели к его бегству (7). И хотя и после этого азербайджанские власти продолжают имитировать активность этой «Платформы мира», на деле ясно, что никакого отношения ни к урегулированию Карабахского конфликта, ни к «народной дипломатии» все это не имеет.

Что дальше? Есть ли перспективы?

Как видно из краткого обзора прошлого и настоящего армяно-азербайджанских контактов, сегодня ситуация очень тяжелая. Фактически сейчас нельзя говорить о реальной возможности для организации таких встреч сторон на территории Азербайджана и Армении. И во многом это произошло по вине властей Азербайджана, которые сделали все, чтобы уничтожить независимое гражданское общество и взять под полный контроль все процессы в миротворческой сфере.

Дополнительным фактором стала наметившаяся усталость в армянском и азербайджанском обществах от бесплодности переговорного процесса и миротворческих встреч сторон. И все это на фоне участвовавших в последние годы на линии фронта боевых действий, особенно после апрельских боев в 2016 г., которые заметно радикализировали оба общества, еще более сузив поле для миротворческих проектов.

Однако стремление властей Азербайджана монополизировать «народную дипломатию» и широко распространившееся в обществах неверие в результативность таких встреч носят на самом деле субъективный характер. С одной стороны, все подобные встречи и инициативы в рамках «народной дипломатии» не приводят к урегулированию конфликта. Они не могут подменить реальных игроков в лице властей (президенты и министры) и посредников, как ведущих геополитических игроков. У этого инструментария иная задача – помогать не допустить дальнейшей радикализации в отношениях народов, сократить неизбежно возникающие в ходе любого конфликта стереотипы и негативные взгляды о другой стороне.

В то же время, следует учесть, что Карабахский конфликт находится, по сути, на своей начальной стадии. Сложно даже предположить, сколько времени понадобится для урегулирования конфликта. Соответственно, одинаково опасны как иллюзии к таким встречам как шансу для налаживания мирных отношений, так и неверие в их надобности. Пора осознать, что хотя до урегулирования конфликта еще очень далеко и свет в конце туннеля, возможно, забрезжит от усилий нового поколения политиков и представителей гражданских обществ, но основу всему этому следует закладывать сегодня. Прошлые неудачи не должны приводить к пессимизму, и следует начать

возрождение этих встреч и инициатив. Для начала - в социальных сетях и Интернете. И понять, что дорогу осилит идущий.

Примечания

1. Аваз Хасанов и Арминэ Исканян. Наведение мостов: миротворческие инициативы гражданского общества. – Серия «Аккорд». Пределы возможностей лидеров: элиты и общества в нагорно-карабахском мирном процессе. - Лондон, 2005, с.47.
2. Дело было в Снегирях. – Газ. «Голос Армении» от 18 марта 2004 г.; На встречах представителей общественности Армении, Азербайджана и Карабаха зафиксирован регресс. - <https://regnum.ru/news/polit/932590.html>; «Аландская модель» практически не применима к Нагорному Карабаху. - <https://regnum.ru/news/514112.html>; Правозащитники предлагают свое решение для Карабаха. - http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_3906000/3906993.stm; Заявление по нагорно-карабахскому конфликту. - <http://www.aravot-ru.am/2014/11/13/184697/>
3. См.: Аландская модель: возможности граждан и общественных организаций продвигать модели урегулирования Карабахского конфликта. – <http://www.southcaucasus.com/index.php?p=tekali12>; Зардушт Ализаде: «Применение Аландской модели в Карабахе приведет к тому, что мы посадим армян себе на шею». - <http://vesti.az/news/32010>
4. Мустафаев Р. «Народная дипломатия»: попытка №2. Состоялась поездка азербайджанской делегации в Ханкенди и Ереван. – Газ. «Каспий» от 4 июля 2009 г.; Полад Бюльбюльоглу, Фархад Бадалбейли и Кямал Абдулла посетили оккупированную Шушу. - <https://news.day.az/politics/84262.html>; Полад Бюльбюль-оглы: «Мы решим карабахский конфликт военным путем!». - <https://regnum.ru/news/2110410.html> и др.
5. Закон «Об оккупированных территориях Азербайджанской Республики» должен быть принят в ближайшее время, заявляет депутата Захид Орудж. – Газ. «Эхо» (Баку) от 16 мая 2013 г.; Парламент опроверг подготовку закона об оккупированных территориях. – <http://www.contact.az/ext/news/2013/5/free/politics%20news/ru/11225.htm>
6. Создана «Платформа для мира между Арменией и Азербайджаном». - http://ru.apa.az/nagornyj_karabakh/sozdana-platforma-dlya-mira-mezhdu-armeniei-i-azerbajdzhanom-.html; Гражданская Платформа Мира между Арменией и Азербайджаном. - <http://arm-azpeace.com/index.php?lang=ru>
7. Сбежавший в Баку армянский оппозиционер Ваан Мартиросян об Армении. - https://www.youtube.com/watch?v=I_-8yE8wOpM; Интервью армянского правозащитника Ваан Мартиросяна APA TV. - https://www.youtube.com/watch?v=LqSnYNSGD_s; Ваан Мартиросян: Пришло время разоблачить очередную ложь азербайджанской пропаганды. - <https://www.youtube.com/watch?v=DEAqhGHBFAE> и др.